

„Міокоти-Санъ“.

Редакія помѣщаетъ эту статью, какъ рисующую характерныя черты стоянки нашихъ судовъ въ Японіи. *Ред.*

Г Л А В А I.

Въ Японію, на Хакодатскій рейдъ, красиво накренившись на правый бортъ, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами входила русская канонерская лодка „Милая“. На вахту только что вступилъ старшій офицеръ Битюговъ—27 лѣтній блондинъ, подсмѣившій по правиламъ (предъ входомъ на рейдъ и постановкою на якорь вахтою править старшій офицеръ), мичмана Бирюлькина. Кромѣ этихъ двухъ офицеровъ былъ командиръ Леонидъ Константиновичъ Герасъ, энергичный мужчина, „старый“ лейтенантъ, ожидавшій на-дняхъ производства въ штабъ-офицерскій чинъ, былъ еще штурманскій подпоручикъ Поэтовъ, механикъ Ивановъ 116-й и докторъ Бумбергъ. Команды было семьдесятъ человекъ, считая въ томъ числѣ 2 боцмановъ, унтеръ-офицеровъ и „чиновниковъ“: фельдшера, шкипера—завѣдывавшаго запаснымъ вооруженіемъ и баталера, завѣдывавшаго подъ руководствомъ „ревизора“ мичмана Бирюлькина, хозяйственною частію. По командѣ старшаго офицера паруса были быстро убраны, и отданный якорь потащилъ за собою чугунную цѣпь, которая, подпрыгивая и стуча звеньями по палубѣ, бурчала, словно сердилась, что ее обезпекрили изъ ея логова. Когда канонерка остановилась, и носъ ея всталъ противъ вѣтра, то подняли кормовой флагъ, а на бушпритѣ поставили флагъ-гюйсъ.

Командиръ въ полной парадной формѣ съ рапортомъ, заложеннымъ за бортъ мундира, отправился на спущенномъ уже вельботѣ на русскій „станціонеръ“ лодку „Журъ“, стоявшую между станціонерами—судами другихъ націй. Леониду Константиновичу тяжело

было ѣхать съ рапортомъ къ командиру лодки „Журъ“, такъ какъ командиръ этотъ былъ двумя годами младше Гераса по выпуску изъ корпуса, но почему-то произведенъ уже въ капитанъ-лейтенанты, но Леонидъ Константиновичъ ничѣмъ не выдалъ своего неудовольствія и почтительно отрапортовалъ о прибытіи лодки „Милой“ на смѣну лодки „Журъ“, а также и о состояніи здоровья ввѣренныхъ ему г.г. офицеровъ и команды, и только отказался отъ предложеннаго ему завтрака и отправился дѣлать визиты командирамъ иностранныхъ военныхъ судовъ. Должно быть, у нихъ онъ отъ завтраковъ и угощенія не отказывался, такъ какъ вернулся на свою „Милую“ только къ 8-ми, къ спуску флага и прошелъ прямо къ себѣ въ каюту. Черезъ нѣсколько минутъ изъ капитанской каюты вышелъ „чистякъ“ вѣстовой съ серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ, неся для чистки снятый мундиръ и прочія принадлежности; проходя мимо вахтеннаго унтеръ-офицера, лукаво подмигнулъ ему. Унтеръ улыбнулся, сплюнулъ и какъ-то особенно аппетитно обтеръ ротъ своею корявою ладонью.

Мичманъ же Бирюлькинъ послѣ отъѣзда командира испросилъ разрѣшеніе у старшаго офицера отправиться на берегъ для закупки въ каютъ-компанію свѣжей провизіи, переодѣлся во все новое и въ сопровожденіи буфетчика, на „четверти“ отправился на берегъ.

Какъ только онъ выскочилъ изъ шлюпки на пристань, его обступили „поставщики“ мяса, булокъ, зелени и т. п. припасовъ необходимыхъ для обѣдовъ офицерской каютъ-компаніи. Подошелъ и „переводчикъ“, онъ же и „чичероне“ и предложилъ свои услуги молодому мичману. Бирюлькинъ скоро закупилъ необходимую провизію на слѣдующій день, а поставщикамъ предложилъ пріѣхать на „лодку“ и тамъ установить на все цѣны съ согласія командира. Отпустивъ буфетчика съ провизіей на „Милую“, Бирюлькинъ почувствовалъ себя свободнымъ, но на всякій случай, приказалъ буфетчику отвѣтить г-ну командиру, если его спросятъ о томъ, гдѣ ревизоръ, то чтобы онъ сказалъ, что разсматриваетъ разные припасы и уговаривается съ поставщиками. Вслѣдъ за чичероне японцемъ Саки-санъ, Бирюлькинъ шелъ по гористымъ узенькимъ улицамъ, при чемъ Саки-санъ оглядывался на него и смотрѣлъ, какъ дрессированная лягавая собака, улавливающая каждый жестъ своего хозяина и ведущая его увѣренно прямо къ выводку.

— Сичасъ буде Русско отель Шопено-сано, говорилъ Саки-санъ, поднимаясь на двѣ ступеньки каменной лѣстницы, тянувшейся поперекъ всей улицы.

И дѣйствительно, перепрыгнувъ чрезъ эти двѣ ступеньки и пройдя нѣсколько шаговъ, Бирюлькинъ увидѣлъ одноэтажный ка-

менный домъ европейской постройки. Было два хода съ улицы. Надъ однимъ была вывѣска, на которой по-русски было написано: ресторанъ, и вывѣска эта освѣщалась бумажнымъ фонаремъ въ три цвѣта: бѣлаго, синяго и краснаго; а надъ другимъ входомъ висѣлъ громаднхъ размѣровъ бѣлый фонарь, на которомъ было написано тушью что-то по-японски.

Войдя въ первый подъездъ, Бирюлькинъ вошелъ въ обширную комнату, освѣщенную стѣнными керосиновыми лампами. Обстановка была какъ въ ресторанѣ „средней руки“. Вдоль поперечной стѣны тянулась буфетная стойка, уставленная всевозможными закусками, а за нею оставался свободный проходъ, высился красивый большой лакированный шкафъ японской работы безъ дверецъ. По полкамъ разставлены были бутылки съ винами, а на выступающихъ этажеркахъ стояли великолѣпныя японскія вазы съ живыми благоухающими цвѣтами. За буфетомъ стоялъ благообразный высокаго роста среднихъ лѣтъ мужчина, одѣтый въ черный сюртукъ, бѣлый пикейный жилетъ и въ сѣрые брюки съ лампасами. На ногахъ были лакированныя ботинки. Въ петлицу сюртука была воткнута свѣжая чайная роза, а по жилету змѣилась шейная золотая цѣль, на которой былъ укрѣпленъ массивный хронометръ. Это и былъ хозяинъ ресторана Вадимъ Вадимовичъ Шопинъ, бывшій крѣпостной человѣкъ одного лейтенанта, прибывшій въ Японію вмѣстѣ съ баринкомъ въ февралѣ 1861 года, только что окончивши курсъ подмастерья у цехового кронштадтскаго портного, и взятый баринкомъ въ заграничное плаваніе на должность камердинера.

Какъ только на судно, стоявшее въ Хакодате, пришла почта и принесла вмѣстѣ съ казенными пакетами, частными письмами и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, по окончаніи торжественнаго богослуженія былъ прочитанъ манифестъ, и когда команда была распущена, то Вадимъ подошелъ къ барину и сталъ просить отпустить его сейчасъ же на волю, такъ какъ онъ „хотя и получилъ образованіе у цехового Тѣглева, но въ дворовые не записанъ, а числится ревизскою душею, т. е. крестьяниномъ“. Баринъ не только что не разсердился на Вадьку, но подарилъ Вадиму сто рублей, все свое старое статское платье и даже позволилъ взять поношенное бѣлье и пикейный жилетъ, но все же, когда въ день съѣзда Вадима на „берегъ“, уже совсѣмъ, когда онъ подавалъ барину трубку съ бисернымъ чубукомъ и неловко подаль для закуриванія фитиль, то получилъ отъ барина легкій тычокъ, на который, по привычкѣ, нисколько не обидѣлся.

Такъ вотъ этотъ-то Вадимъ Вадимовичъ съѣхалъ на берегъ и, пріютившись у японскаго портного, вскорѣ познакомился съ молодою

кухаркою, бывшей крѣпостною дѣвушкою русскаго консула Анфисою, и вскорѣ весьма разогорчилъ жену консула тѣмъ, что уговорилъ Анфису выйти за него замужъ. Подаренные бариномъ сто рублей, да скопленное Анфисой жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ службы съ 19-го февраля, да кое-какія мелкія сбереженія составили капиталъ въ сто пятьдесятъ долларовъ, которые и послужили начальнымъ фондомъ для открытія гостиницы. Анфиса прекрасно готовила кушанья и угождала вкусу всѣхъ иностранцевъ, прибывающихъ въ портъ Хакодате, при посѣщеніи ими консула, а на свободѣ она еще болѣе развернулась, взяла къ себѣ изъ-за хлѣба двухъ японскихъ дѣвушекъ, а Вадимъ Вадимовичъ—двухъ японцевъ мальчиковъ, и супруги стали приучать азіатовъ къ ресторанному дѣлу. Господа Шопинъ, какъ нечисто выговаривали японцы фамилію или прозвище хозяевъ, стали пользоваться уваженіемъ и мѣстнаго населенія, и въ скоромъ времени бывшіе крѣпостные Вадька и Анфиска зажили жизнью помѣщиковъ, а чрезъ десять лѣтъ, ко времени прибытія лодки „Милой“, имѣли уже собственный домъ, въ которомъ помѣщались Европейскій ресторанъ и Японскій „чайный домъ“. Чичероне Саки-санъ одновременно съ Бирюлькинымъ вошелъ въ гостиницу, но только въ другой подъѣздъ.

Какъ только Бирюлкинъ сѣлъ за мраморный столикъ, изъ-за стойки неторопливыми шагами подошелъ къ нему хозяинъ и, поклонившись по-крестьянски, сказалъ: „съ благополучнымъ прибытіемъ, ваше благородіе... Не прикажете ли подать чего-нибудь покушать? Вотъ и карточка кушаній и винъ. Будьте спокойны, все будетъ въ аккуратѣ“.

Бирюлкинъ просмотрѣлъ карточки и изумился количеству перечисленныхъ названій блюдъ на русскомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, итальянскомъ и датскомъ языкахъ, при чемъ цѣны были выставлены баснословно дешевыя. Заказавъ любимыя блюда и бутылку старой „Марсалы“, онъ вскорѣ уже съ аппетитомъ уничтожалъ подаваемыя кушанья, запивая ихъ стаканами душистой марсалы.

Когда ужинъ былъ конченъ, то хозяинъ снова подошелъ къ нему и предложилъ послушать игру и пѣніе японскихъ гейшъ. Былъ девятый часъ вечера, и Бирюлкинъ, сообразивъ, что до полночной его вахты оставалось еще три свободныхъ часа, изъявилъ свое согласіе и въ сопровожденіи японца-лакея, прислуживавшаго ему за столомъ, не выходя на улицу, внутреннимъ ходомъ прошелъ въ японское отдѣленіе ресторана. Тамъ горѣлъ одинъ фонарь, тускло освѣщая обширную залу, по стѣнамъ которой были расположены мягкія оттоманки, обтянутыя шелковыми матеріями цвѣта „кремъ“.

Служитель захопалъ въ ладоши, и нѣсколько вбѣжавшихъ мальчиковъ быстро зажгли разноцвѣтные фонари, придавшіе комнатѣ иллюминированный видъ. Когда служитель и мальчики удалились, передъ Бирюлькинымъ одна за другой прошли десять дѣвушекъ, одѣтыхъ въ свободныя закрытыя керомоны изъ прозрачной шелковой матеріи, съ инструментами въ рукахъ, въ родѣ мандолинъ, и стали ихъ настраивать.

Въ это время къ Бирюлькину подошла одна изъ гейшъ, сѣла на оттоманку рядомъ съ нимъ и, подстраивая свой инструментъ, спросила:

— Слюша, голубчикъ, Бутыгинъ-санъ пришла на твой лодка?

— Нѣтъ, Бутыгинъ не пришелъ, онъ еще въ прошедшемъ году уѣхалъ въ Россію—и при этомъ посмотрѣлъ на сидящую рядомъ съ нимъ гейшу.

Лицо дѣвушки стало печально, но всматривавшійся въ нее Бирюлкинъ, несмотря на румяна и бѣлила, толстымъ слоемъ наложенныя на ея щеки, губы и уши, уродующія ея лицо, увидѣлъ замѣчательную красавицу.

Гейша встала и хотѣла уйти въ хоръ, разсѣвшійся по-японски на полу.

— Послушай!—остановилъ ее Бирюлкинъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Микоти-санъ,—полуоборачиваясь, отвѣтила дѣвушка.

— Такъ вотъ что, Микоти,—говоритъ Бирюлкинъ, вставая съ оттоманки и идя въ слѣдъ за Микотой.—Если ты теперь не замужемъ, то выходи за меня—мы простои́мъ цѣлый годъ. Микоти остановилась, повернулась къ нему лицомъ и съ грустью сказала: „Что жъ! Русски очень добро... Я ошень любилъ Бутыги-санъ и все жидаль его, котѣлъ казать маленько мальчишко его сынъ... А онъ голубчикъ уѣкалъ... Богъ съ нимъ... Нашъ гейша любя русски... прикажи писать контра“, и съ послѣдними словами вышла изъ комнаты. По знаку гейши, сидѣвшей впереди другимъ, сидѣвшихъ въ линію, весь хоръ ударилъ по инструментамъ, и дребезжавшія струны уныло запѣли. Въ комнату вошелъ лысый старикъ-японецъ, припадая, кланаясь и издавая ртомъ привѣтственное шипѣніе, онъ подвелъ за руку Микоти-санъ къ сидѣвшему на оттоманкѣ Бирюлькину, посадилъ ее рядомъ съ нимъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана написанную по-японски бумагу, походную чернильницу и европейское перо, подалъ все это Бирюлькину для подписанія. Это былъ контрактъ, въ которомъ было сказано: что японская гражданка Микоти-санъ вступаетъ съ сего часа въ супружество съ русскимъ офицеромъ Бирюлькинымъ срокомъ на одинъ мѣсяць за пятнадцать дол-

ларовъ въ мѣсяцъ, но что контрактъ можетъ быть возобновленъ за ту же цѣну и на будущее неопредѣленное время... Миокоти-санъ можетъ быть и совершенно свободна, если одновременно будетъ внесена плата въ двѣсти долларовъ. Полное содержаніе, какъ-то: помѣщеніе, столъ и одежду, соотвѣтствующую японской гражданкѣ низшаго класса, онъ, Бирюлькинъ, во все время контракта, обязанъ доставлять Миакоти-санъ безъ всякаго задержанія впередъ за мѣсяцъ.

Какъ только своеобразный контрактъ этотъ былъ подписанъ и деньги 200 долларовъ внесены, то хозяинъ подалъ знакъ гейшѣ, которая, быстро вскочивъ на ноги, стала граціозно раскачиваться туловищемъ, подыгрывая себѣ въ тактъ на своихъ струнныхъ инструментахъ. Не слушая ихъ игру, Бирюлькинъ заплатилъ хозяину за вызовъ всѣхъ гейшъ, и вмѣстѣ съ Миокотой-санъ, одѣтой уже въ обыкновенный костюмъ и смывшей съ себя бѣлила и румяна, отправился на улицу.

Откуда-то явился чичероне Саки-санъ и заявилъ, что по соседству отдается особнякъ за три доллара въ мѣсяцъ съ прислугой, умѣющей готовить японскія кушанья.

— Ну, иди впередъ... показывай намъ особнячекъ, — сказалъ весело Бирюлькинъ, ведя подъ руку, по-европейски, скромно опиравшуюся Миокоти. Наемъ совершился въ нѣсколько минутъ, и новобрачные вступили въ обыкновенный японскій домикъ, гдѣ уже былъ зажженъ фонарь, а по срединѣ пола стояла жаровня, и надъ ней висѣлъ чугунный котелокъ, подвѣшенный на цѣпь, укрѣпленную въ потолокъ. Котелокъ могъ опускаться и подниматься на цѣпи, ходящей по двумъ шкивамъ, какъ у насъ опускаются и поднимаются столовыя лампы.

Заплативъ чичероне за услуги и отдавши хозяину дома плату за мѣсяцъ впередъ, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что безъ четверти одиннадцать, слѣдовательно, до полночной вахты оставалось часъ съ четвертью. Разсчитавъ, что еще полчаса онъ можетъ посвятить на разговоры съ женой, онъ рѣшилъ остаться. Миокоти-санъ привычною рукою засыпала въ кипящій котелокъ чаю, который достала изъ миниатюрнаго лакированнаго шкафика, оттуда же взяла двѣ чашки и черпачкомъ налила обѣ чашки чаю. Затѣмъ, стоя на колѣняхъ, поклонившись Бирюлькину, подала ему налитую чашку, а затѣмъ стала пить и изъ своей. Напившись чаю и поговоривъ съ женой, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка стояла на половинѣ двѣнадцатаго. Быстро вскочивъ и одѣвъ китель, Бирюлькинъ наскоро поцѣловалъ Миокоти, которая успѣшила открыть выходную дверь, и выглянувшая на небѣ луна обрисовала красивую японку, обнимающую за шею русскаго офицера.

Бирюлькинъ со скоростью заводскаго рысака помчался на пристань и черезъ пять минутъ сидѣлъ уже въ шампункѣ, которая подъ напоромъ кормоваго весла, управляемаго крѣпко-сложеннымъ японцемъ, неслась по рейду съ быстротою призовой гички, и когда на „Милой“ начали бить склянки, то съ послѣднимъ восьмымъ ударомъ колокола, Бирюлькинъ уже входилъ на палубу, взобрался на мостикъ и смѣнилъ съ вахты скучающаго Поэтова. На вахту онъ не опоздалъ. На вахтѣ Бирюлькинъ простоялъ до 4 ч. утра, а съ 4 часовъ вступилъ Битюговъ.

Г Л А В А II.

Во время продолжительныхъ стоянокъ „станціонеровъ“ мелкихъ судовъ въ родѣ канонерской модки „Милая“, было неофициально установлено, чтобы г.г. офицеры дежурили по-суточно и такъ, чтобы всегда оставался на суднѣ еще офицеръ, накануне стоявшій сутки на вахтѣ, а потому на „Милой“ на другой день прихода съ утра долженъ былъ вступить на дежурство мичманъ Бирюлькинъ, на берегъ могъ „сѣхатъ“ только одинъ Битюговъ, но добродушный Герасъ разрѣшилъ и прапорщику Поэтову „сѣхатъ на берегъ“, оставивъ на случай стараго боцмана, да и самъ ожидалъ отвѣтнаго визита командира русскаго станціонера и нѣкоторыхъ изъ командировъ иностранныхъ судовъ; а потому волей неволей долженъ былъ оставаться „дома“.

Докторъ вообще не шелъ въ счетъ, такъ какъ трудно больныхъ отвозили въ береговые лазареты, а съ ушибами и легкими болѣзнями могъ справиться и фельдшеръ, который былъ всецѣло въ вѣдѣніи судового доктора. Вотъ почему и сложилась пословица: что на кораблѣ хорошо жить: попу, коту и доктору.

Но тѣмъ не менѣе Федоръ Федоровичъ баронъ Бумбергъ рѣдко сѣзжалъ на берегъ и если сѣзжалъ, то призываемый къ какому-нибудь больному, такъ какъ Федоръ Федоровичъ полгода тому женился и ушелъ въ плаваніе только для того, чтобы накопить деньжонокъ. Онъ не брезговалъ лѣченіемъ и купцовъ и даже простонародья, если ему могли заплатить, и иногда онъ возвращался съ берега съ поросянкомъ или нѣсколькими парами куръ или утокъ, и все это продавалъ Бирюлькину, завѣдывающему офицерскимъ столомъ.

Вымытый, раздушенный, въ бѣломъ кителѣ и жилетѣ вышелъ на палубу старшій офицеръ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ, и за нимъ плелся прапорщикъ Поэтовъ, шепча что-то губами. Фамилія „Поэтовъ“ весьма подходила къ штурманскому прапорщику, такъ какъ онъ, и при свистѣ вѣтра, и при шумѣ волнъ, стоя на вахтѣ,

или будучи свободнымъ, постоянно сочинялъ стихи и все больше къ „ней“.

Красотой своей, японка,
Ты блестяшь, какъ въ полночь звѣзда
Вѣдь ты прекрасна словно джонка ¹⁾.
И я

Вотъ и теперь, садясь въ шлюпку для отъѣзда на берегъ, онъ сочинялъ мысленно стихи къ „ней“, то-есть къ той красавицѣ японкѣ, которая согласится быть его женой.

Три строчки были уже сложены:

О! ты прекрасная японка!
Ты блестяшь, какъ въ полночь звѣзда,
Вѣдь ты красива, словно джонка.

„И я.....“ но къ слову звѣзда Поэтовъ никакъ не могъ подобрать соответствующей рифмы. Выходило какъ-то неблагозвучно то: „гнѣзда“, то „мзда“, то „ѣзда“, вообще полнѣйшая ерунда, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что искомая рима непременно найдется, какъ только онъ сочетается бракомъ по японскимъ законамъ.

Въ это же самое время Микоти-санъ, оставившая наканунѣ вечеромъ своего годовалаго сына на попеченіе прислужницы старой японки, поспѣшила въ помещеніе гейшъ и стала собирать принадлежачія ей вещи. Нанятый ею носильщикъ уже вынесъ ея узлы и укладывалъ въ телѣжку, а она закутывала своего Володю-сана въ новенькій керомонъ яркаго цвѣта, чтобы отнести его послѣ перевозки вещей къ своей вдовѣ-матери, живущей съ другой дочерью на другомъ концѣ о-ва.

Опоясывая изящнымъ кушачкомъ талію ненагляднаго сынишки, она вдругъ вздрогнула, ноги ея подкосились, и она сѣла на тюфякъ, разостланный на полу, гдѣ сидѣлъ ея мальчикъ.

Изъ корридора, соединяющаго Европейскій ресторанъ съ Японскимъ отдѣленіемъ, слышался все ближе и ближе пріятный теноръ, который съ манерой опернаго пѣвца напѣвалъ: О! Микоти! О! Микоти! Приди!! Приди!!!

Это пѣлъ Битюговъ, знавшій всѣ выходы и входы ресторана господъ Шопиныхъ.

— О Будда! что же теперь будетъ? Вѣдь тотъ вчера обманулъ меня, сказавъ, что Володя уѣхалъ въ Россію,—думала Микоти, поднимая мальчика на руки и вынося его въ общую залу, въ которую уже входилъ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ.

¹⁾ Джонка—японское грузовое судно.

Посадивъ ребенка на оттоманку, Міокоти бросилась на шею возлюбленному Володѣ, цѣловала его лицо, руки, полы кителя и затѣмъ подвела къ ребенку и, указывая на него, сказала: „это тоже Володя-санъ, это твой“... и затѣмъ, склонивъ голову къ колѣнамъ, горько заплакала.

— О чемъ это? Міокоти? Перестань, милочка. Вѣдь я сдержалъ слово, опять приѣхалъ... страхъ какъ старался попасть на станціонера... ну, не плачь, голубушка, милая ты моя женушка!..

Но Міокоти-санъ, продолжая плакать, рассказала, какъ вчера ее обманулъ русскій офицеръ и что ей теперь стыдно и на людей-то будетъ смотрѣть... „Никто вѣдь не слыша какъ я спросилъ, приѣхалъ ли ты?“

Битюговъ нахмурился, но чрезъ мгновеніе лицо его просвѣтлѣло, и онъ на одну руку посадилъ ребенка, который успокоившись сталъ играть золотымъ погономъ отца, а другою обнялъ за талию молодую женщину. Такъ просидѣли нѣсколько минутъ въ полномъ молчаніи.

Но жизнерадостный Владиміръ Николаевичъ вспомнилъ, что на Европейской половинѣ ресторана томится прапорщикъ Поэтовъ, которому онъ обѣщалъ показать достопримѣчательности Хакодате, и спросилъ Міокоти, можно ли идти къ ея матери и привести съ собою товарища.

— Это не вчерашне глупи?—спросила Міокоти, широко раскрывая свои красивые глаза.

— Нѣтъ, не вчерашній, вчерашняго ты, навѣрно могу сказать, что никогда не увидишь, а это новый, недавно произведенный въ офицеры.

— Что жь, пойдѣмъ къ мамѣ, если онъ не мѣшае,—отвѣтила Міокоти.

— Если онъ хорошъ человѣкъ, будетъ жениться на мой сестра... Помнишь мой сестра? О! онъ теперь выросла, хотѣлъ на дняхъ поступать на гейши...

— Вотъ и отлично,—сказалъ Битюговъ и послалъ служителя за Поэтовымъ.

Вскорѣ явился и Поэтовъ, тащимый за фалду кителя посланнымъ мальчикомъ японцемъ. Тогда всѣ трое съ ребенкомъ на рукахъ у Міокоти-санъ отправились въ родной домъ Міокоти, а носильщикъ вслѣдъ за ними везъ ея имущество въ 2-хъ колесной телѣжкѣ.

Публика, однообразно одѣтая въ чистые керомоны съ нѣкоторымъ разнообразіемъ въ цвѣтахъ матерій, изъ которыхъ были сдѣланы женскіе костюмы, однообразныя прически у женщинъ, выбритыя головы мужчинъ и мальчиковъ, по срединѣ черепа которыхъ

шла накладка—коса, густо намазанная какою-то помадою, въ видѣ валика, перпендикулярно отрѣзаннаго у начала лба, голыя ноги, одѣтыя въ сандаліи, совершенно голыя тѣла съ обернутыми бедрами синей бумажной матеріей, веселыя лица, размахиванье руками при ходьбѣ, въ одной изъ которыхъ неперемѣнно находился соломенный зонтикъ, придавали улицѣ оживленный видъ.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, не застроенныхъ лавками съ рисомъ, бакалеей, сушеной рыбой и морской капустой, матеріями и т. п. товарами, стояли на каменныхъ невысокихъ фундаментахъ чугунные очаги, на которыхъ поджаривались безъ масла разныя овощи, быстро переворачиваемыя на раскаленныхъ плитахъ. Вокругъ группировалось бѣднѣйшее населеніе и на одну желѣзную монету кашъ ¹⁾ покупали по ломотку картофеля, моркови, рѣпы и т. п. поджаренныхъ овощей. Изрѣдка въ этой части улицы проходилъ голый торговецъ, обвязанный вокругъ пояса синей матеріей и громко предлагавшій свой товаръ: „сабай-са-абай“. Это былъ торговецъ мелкаго вермишеля, вывареннаго въ молоко и въ жидкомъ видѣ помѣщавшагося въ боченкѣ, который продавецъ носилъ у себя за спиною.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, площадяхъ, на деревянныхъ столбахъ были устроены платформы, а на платформахъ стояли деревянные чаны съ проточною водою. Публика, одѣтая въ керомоны или только опоясанная вокругъ бедръ синей матеріей, входила по лѣстницамъ на платформы, спокойно раздѣвалась и безъ различія пола и возраста освѣжала свое тѣло. Одѣвшись, не спѣша продолжали свой путь.

Міокоти-санъ тоже пожелала выкупаться и, взявъ съ собою Володю-сана, вошла по лѣстницѣ и вмѣстѣ съ сыномъ окунулась въ чанъ. Туда же полѣзъ и голый носильщикъ, везшій въ телѣжкѣ ея вещи. Купанье стоило одно кашъ съ каждаго лица, шедшее въ пользу города.

Наконецъ компанія наша добралась до обрывистаго берега, на которомъ было рѣдко разбросано нѣсколько японскихъ домиковъ—особнячковъ, и изъ одного изъ нихъ, навстрѣчу компаніи, быстро бѣжала дѣвушка лѣтъ 15-ти, весьма похожая на Міокоти-санъ. Поцѣловавшись съ сестрой и племянникомъ, она хотѣла поцѣловать руку у Владиміра Николаевича, но тотъ обнялъ ее по-братски и поцѣловалъ. Красная отъ полученной чести, происшедшей на глазахъ японской публики, Сали-санъ степенно поклонилась Поэтову и носильщику. Прошло мгновеніе, и пятки дѣвушки замелькали въ

¹⁾ Серебряная ицубу = 40 темпъ, мѣдная 1 темпа = 100 кашъ.

воздухъ. Она съ быстротою лани летѣла къ дому, на порогъ котораго стояла пожилая женщина, улыбаясь во весь ротъ и тѣмъ показывая свои зубы, выкрашенные въ черный цвѣтъ.

Съ приближеніемъ офицеровъ и дочери она все ниже и ниже присѣдала и все громче и громче шипѣла въ знакъ почтенія и удовольствія. Владиміръ Николаевичъ и ее поцѣловалъ, а Поэтовъ отдалъ честь по-военному. По приглашенію хозяйки вошли въ домъ. Миловидная Сали-санъ успѣла уже сдѣлать нѣкоторыя приготовления къ приему. Первымъ ея дѣломъ было передвинуть по шарнирамъ легкія рамы-перегородки, оклеенныя непрозрачною бумагой, и такимъ образомъ раздѣлить домъ на четыре неравныя части: пріемную комнату для Міокоти-санъ, комнаты для себя и матери и кладовую.

Въ пріемной комнатѣ успѣла желѣзными когтями разгрести разноцвѣтныя раковины и камешки, окружавшіе на полу очагъ, налила воды въ чугуничекъ, положила въ жаровню углей и поставивъ вокругъ очага нѣсколько низенькихъ лакированныхъ столиковъ, вынула миниатюрныя чашки для чая.

Владиміръ Николаевичъ предоставилъ Поэтову, Сали-санъ и ея матери чаевать, а самъ съ Міокоти-санъ и сыномъ вошелъ въ предназначенную для нихъ комнату, въ которой стояла его складная кровать, письменный столъ, кресло и умывальникъ. Оконъ не было, какъ и въ другихъ комнатахъ, и дневной свѣтъ въ изобиліи изливался сквозь бумагу и рѣдкія соломенныя сторы, укрѣпленныя снаружи дома. Соломенныя сторы были и внутри, но болѣе легкія и въ настоящее время подняты къверху.

Поэтовъ, снявъ фуражку и положивъ ее около себя на полъ, никакъ не могъ справиться съ ногами, такъ какъ съ дѣтскаго возраста отвыкъ уже сидѣть на полу, а потому принималъ комическія позы и конфузился. Конфузилась и Сали-санъ, сидѣвшая *vis-à-vis* съ прапорщикомъ, опустивъ глаза, опушенныя длинными рѣсницами, и иногда лукаво взглядывала на штурмана, не могшаго справиться съ ногами такъ же хорошо, какъ онъ управлялся съ рулемъ. Скрестивъ ноги по-турецки, онъ крѣпко прижималъ ихъ своимъ туловищемъ, но скользкіе сапоги при малѣйшемъ движеніи выскакивали и шурша по песку и раковинамъ обсыпали Сали-санъ пылью. Дѣвушка не выдержала и стала громко смѣяться. Вошелъ Владиміръ Николаевичъ съ Міокоти-санъ и Володенькою, который хотя не крѣпко держался на ножкахъ, но все же умѣлъ уже ходить. Битюговъ, увидѣвъ комичное положеніе Поэтова, сказалъ: „эй ты, братецъ какой—не могъ поддержать честь націи. Смотри на меня... Видишь, я безъ сапогъ, такъ и ты снимай сапоги и садись уже смѣло“.

Поэтовъ, видя, что Битюговъ дѣйствительно былъ безъ сапогъ, конфузливо снялъ свои ботинки и дѣйствительно усѣлся довольно удобно.

Въ это время Міокоти-санъ, ея мать и Сали-санъ вели оживленный разговоръ на японскомъ языкѣ. Пострекотавъ минуты двѣ, онѣ должно быть пришли къ совершенному соглашенію, и Міокоти-санъ, обращаясь къ Владиміру Николаевичу, сказала: „ты говори ему“.

Владиміръ Николаевичъ, взглянувъ въ слѣдъ уходившей Сали-санъ, сказалъ Поэтову.—Ну что, Васенька; хочешь жениться? у насъ товаръ, а ты теперь самъ купецъ. Если нравится тебѣ Сали-санъ, то сейчасъ же и свадьбу отпразднуемъ. Да отвѣчай же! чего сконфузиться, какъ красная дѣвица! продолжалъ онъ. Поэтовъ усмѣхнулся и утвердительно кивнулъ головою.

Былъ позванъ уличный писецъ, который за ицубу, т. е. за сорокъ копѣекъ, написалъ брачный контрактъ, передалъ его матери и, поклонившись присутствующимъ, присѣдая, вышелъ на улицу, весьма довольный такимъ большимъ заработкомъ. Владиміръ Николаевичъ съ семьєю и мать дѣвушки вышли изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько мгновеній послышался шумъ передвигаемыхъ перегородокъ—это комнату матери и кладовую дѣлили на три комнаты, оставляя для кладовой и комнаты матери очень узкія пространства. Въ пріемную вошла Сали-санъ и поклонилась въ ноги Василя Васильевича, сидящаго въ носкахъ, при чемъ изъ одного предательскаго носка выглядывалъ бѣлый мизинецъ ноги съ чисто обточеннымъ ногтемъ. Василій Васильевичъ набрался храбрости, поднялъ станъ лежавшей неподвижно дѣвушки и крѣпко ее поцѣловалъ прямо въ губы. Сали-санъ отвѣтила робкимъ поцѣлуемъ. Вошли мать и Владиміръ Николаевичъ съ живыми цвѣтами въ рукахъ и обсыпали ими новобрачныхъ.

Позвали посыльнаго, Битюговъ быстро написалъ по-русски записку, въ которой были перечислены блюда и вина, и приказалъ ее отнести въ ресторанъ господъ Шопиныхъ.

Затѣмъ занялись маленькимъ Володей, а Міокоти-санъ и Сали-санъ пошли въ комнату новобрачныхъ, гдѣ Міокоти-санъ посвятила сестру въ нѣкоторыя таинства замужней женщины.

Пообѣдали и разошлись отдохнуть по своимъ комнатамъ.

Вечеромъ были въ театрѣ, затѣмъ вернувшись мирно заснули въ своихъ комнатахъ, гдѣ къ Битюгову подошелъ чичероне Сакисанъ и объяснилъ, что вчера произошло недоразумѣніе: и такъ фамиліи перемѣшались, объяснилъ онъ, что онъ уже ѣздилъ на

„Милую“ и говорилъ съ господиномъ мичманомъ. Битюговъ далъ ему 5 долларовъ, чтобы тотъ занялъ это дѣло между японцами.

На другой день въ шесть часовъ утра за общимъ чаемъ всего семейства, Сали-санъ, сидя рядомъ съ мужемъ, все время не поднимая глазъ, смотрѣла на узоры раковинъ и камешковъ, окружавшихъ очагъ, а веселый и довольный Василій Васильевичъ такъ и сыпалъ приемами. Способность эта у него проявилась послѣ вчерашняго обильнаго обѣда.

Послѣ чая пошли всѣ провожать Василю Васильевича на пристань, гдѣ долго еще оставалась Сали-санъ, провожая глазами шампунку, на которой уѣхалъ ея мужъ. „Такъ и полетѣла бы за нимъ“, думала новобрачная, и только когда шлюпка затерялась между стоящихъ на якоряхъ судовъ и пароходовъ, она вздохнула и медленно пошла домой.

Между тѣмъ еще вчера, когда Битюговъ посылалъ за обѣдомъ, къ борту „Милой“, съ лѣвой стороны, подошла шампунка, изъ нея выскочилъ на палубу чичероне Саки-санъ и, подойдя къ Бирюлькину, читавшему романъ „Монте-Кристо“, сказалъ: „И зашѣмъ вы сказали, что господинъ Битюговъ уѣкалъ Россію, такъ у насъ обманывать нельзя... Дѣвушка очень плачетъ... сначала, а потомъ бросилъ особнячокъ и ушелъ съ господинъ Битюговъ къ ея мама, а сейчасъ посыльный говорилъ мнѣ, что господинъ Битюговъ послалъ его за свадебный очень дорогой обѣдъ. Я видѣлъ эта посыльный, какъ онъ понесъ обѣдъ, а я самъ на шампунку, чтобы говорить вамъ“.

— Вотъ такъ штука—капитана Кука!—воскликнулъ Бирюлькинъ. Я хорошенько не спросилъ дѣвушку, о комъ она именно спрашиваетъ про Битюгова или про Битюгина. Битюгинъ-то вѣдь и правда уѣхалъ въ Россію.

Бирюлькинъ далъ долларъ Саки-сану за предостереженіе, а самъ спустился внизъ, гдѣ докторъ, послѣ сытнаго обѣда, отдохнувши, сидѣлъ на диванѣ въ каютъ-компаніи и дочитывалъ письмо изъ массы писемъ отъ своей „милой женки“, пришедшія съ почтовымъ пароходомъ. Подождавъ, пока докторъ аккуратно занумеровалъ послѣднее письмо и, тщательно сложивъ его, положилъ въ особаго вида ящичекъ японской отдѣлки, Бирюлькинъ, ничего не утаивая, рассказалъ Федору Федоровичу о происшедшемъ.

— Вы хотите, чтобы я былъ вашимъ секундантомъ,—спросилъ привставая старый буршъ Дерптскаго университета, нахмуривая брови:—что жъ, я не прочь! Кстати я захватилъ съ собою двѣ золингеневскія рапиры, настоящія шпаги, а перевязокъ у насъ довольно. Не хотите ли прорепетировать съ наконецниками?

Бирюлькинь отказался и сталъ думать, какъ бы ему поддипломатичнѣе потушить эту неприятную исторію. „Вѣдь Владиміръ Николаевичъ очень хорошій товарищъ, но вѣдь онъ же и старшій офицеръ!“ думалъ Бирюлькинь, но, ничего не придумавъ, за ужиномъ, за которымъ Бумбергъ опять предложилъ ему „прорепетировать“, онъ промолчалъ и, не раздѣваясь, „на случай“, легъ спать.

Къ 8 часамъ утра пріѣхалъ Василій Васильевичъ, смѣняя Бирюлькина съ вахты, добродушно съ нимъ поздоровался и, принявъ дежурство и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, пошелъ въ каюту, гдѣ не раздѣваясь заснулъ, какъ убитый, послѣ проведенной безсонной ночи на новомъ мѣстѣ.

Командиръ Герасъ рѣдко бывалъ на суднѣ. Послѣ поднятія флага онъ уѣзжалъ на собственной шлюпкѣ, построенной по составленному имъ чертежу, и дѣйствительно шлюпка эта представляла собою точно живое существо. Онъ одинъ ставилъ паруса, правилъ ею по желанію и, завидя стадо утокъ или гусей, подплывалъ къ нимъ на разстояніе выстрѣла, бросалъ шкоты и руль, успѣвалъ выстрѣлить изъ обоихъ стволовъ, собравъ снова шкоты и подхвативъ подъ правую или лѣвую руку румпель, правилъ шлюпкой по желаемому направленію. Изрѣдка пріѣзжалъ къ завтраку или къ обѣду, но большую часть сутокъ проводилъ у мистриссъ Стоу, миловидной вдовы англійскаго мясника, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившагося въ Хакодате, но не выдержавшаго климата и оставившаго одинокою вдовою свою миловидную мистриссъ Бетти Стоу, переселившись на европейское кладбище. У мистеръ Стоу было много дѣтей и все разныхъ національностей. И первымъ былъ мальчикъ православнаго вѣроисповѣданія по имени Леонидъ, имѣвшій нынѣ уже десять лѣтъ и живущій у мѣстнаго причетника православной церкви и учащійся въ европейской школѣ.

Послѣ Василя Васильевича на вахту долженъ былъ вступить Владиміръ Николаевичъ, и такъ какъ онъ опоздалъ къ подъему флага, т. е. вѣрнѣе сказать взялъ тотъ часъ, который онъ провелъ вахту за Бирюлькина при постановкѣ судна на якорь, то на вахту вступилъ мичманъ Бирюлькинь.

Бирюлькинь старался „навести чистоту“; палуба была вымыта еще до поднятія флага, а теперь дочищали всѣ мѣдныя и желѣзныя вещи, складывали снасти въ красивыя бухты и вообще придавали судну щеголеватый видъ.

— Господинъ старшій офицеръ ѣдутъ!—сказалъ сигнальщикъ, сбѣжавшій съ мостика съ подзорной трубой подъ мышкой.

— Фалрейныхъ на верхъ!—скомандовалъ вахтенный Бирюлькинь, и молодеваы фалрейныя сбѣжали по трапу, остановились у стоекъ,

а двое стоявшихъ на нижней площадкѣ почти у самой воды, приготовились подать подъѣзжающему офицеру, каждый по концу веревки, идущихъ по стойкамъ всего трапа и обшитыхъ краснымъ сукномъ.

Вельботъ, посланный за Битюговымъ, лихо подошелъ къ трапу, такъ что между бортомъ шлюпки и краемъ трапа было трудно просунуть даже ладонь руки, Владиміръ Николаевичъ серьезно и неторопливо сталъ подниматься по трапу.

На палубѣ, около выхода съ трапа, стоялъ вахтенный мичманъ Бирюлькинъ и какимъ-то неровнымъ голосомъ рапортовалъ старшему офицеру о состояніи судна—„только вотъ не успѣли докончить чистку мѣди“, сказалъ Бирюлькинъ.

Владиміръ Николаевичъ серьезно обратился къ Бирюлькину и сказалъ: „запомните, господинъ мичманъ, что всегда и вездѣ надо обращать особенное вниманіе „на окончанія“, и при этихъ словахъ глаза его приняли веселое выраженіе, и онъ по-товарищески пожалъ руку смущеннаго Бирюлькина.

Инцидентъ былъ исчерпанъ.

Старый станціонеръ ушелъ въ Николаевскъ на Амуръ, и съ него оставили сверхкомплектнаго мичмана, котораго, мѣсяць тому назадъ, доставилъ пароходъ Филипеуса съ Шантарскихъ острововъ, гдѣ этотъ мичманъ потерпѣлъ крушеніе на грузовой шхунѣ, шедшей въ Камчатку, и случайно былъ снятъ съ пустыннаго острова съ командой и доставленъ съ нею въ Хакодате.

На „Милой“ образовалось четыре вахты, и молодые люди могли проводить на берегу подрядъ по двое сутокъ. Но на суднѣ шли ежедневныя ученья, какъ-то: постановка и уборка парусовъ, артиллерійское ученье, абордажное, пожарное, ежедневное мытье палубы, чистка желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, иногда стирка коекъ, провѣтриваніе такелажа и провизіи. Изрѣдка и съ большой осторожностью, въ присутствіи офицера, очищалась крютъ-камера, гдѣ хранился порохъ. Однимъ словомъ, судовая якорная жизнь шла обыкновеннымъ порядкомъ. По субботнимъ, предпраздничнымъ днямъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ команду свозили на берегъ въ православную церковь, въ которой служилъ священникъ отецъ Николай.

Господа офицеры перезнакомились у русскаго консула съ офицерами съ станціонеровъ судовъ другихъ націй, но какъ-то ни съ кѣмъ не сошлись и проводили время въ своихъ семьяхъ.

Командиръ Герасъ доставлялъ безвозмездно въ каютъ-компанію гусей и утокъ, добытыхъ на охотѣ, а баронъ Бумбергъ чрезъ мѣсяць стоянки предложилъ во время обѣда купить у него мало-

рослую японскую лошадку, полученную имъ за излѣченіе богатаго „сумрая“, т. е. дворянина-помѣщика. Въ то время и въ Японіи, какъ видно, господа сумраи матеріально сходили на нѣтъ и, не обладая капиталомъ, расплачивались, чѣмъ было возможно. Лошадку купилъ капитанъ Герасъ за двадцать долларовъ, желая подарить ее Леониду Стоу. Между прочимъ командиръ заявилъ, что русскій консулъ просилъ сегодня всѣхъ, кромѣ вахтенныхъ, пожаловать къ нему на вечеръ.

Консулъ Ларовскій, безцвѣтный мужчина съ безобразной, но любезной и доброй женой, по протекціи которой онъ получилъ и настоящее мѣсто, любилъ хорошо покушать, а главное поиграть въ картишки. У него каждый вечеръ играли. Собиралось разнообразное общество: булочникъ французъ Менаръ, англичанинъ Браунъ, торгующій мясомъ, служащіе въ торговой нѣмецкой фирмѣ, офицеры разныхъ націй, но русскіе посѣщали его рѣдко, такъ какъ онъ велъ себя по отношенію къ нимъ по-начальнически. Поэтому приглашеніе на вечеръ къ русскому консулу было принято не съ особеннымъ удовольствіемъ, а Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ прямо-таки отказались; изъявили согласіе ѣхать докторъ и Бирюлькинъ, а вновь назначенный мичманъ долженъ былъ стоять на вахтѣ. Бирюлькинъ-то согласился, сообразивъ, что лучше провести вечеръ въ обществѣ, чѣмъ проскучать на „Милой“ въ ожиданіи болѣзни или чего иного, могущаго случиться съ вахтеннымъ, вновь назначеннымъ мичманомъ Лепечевымъ. Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ послѣ обѣда уѣхали „домой“, а Бумбергъ и Бирюлькинъ завалились спать.

Къ 9 час. вечера расфранченные офицеры съ командиромъ Герасомъ, которому судовой сапожникъ пристроилъ къ низкамъ брюкъ широкія кожанныя штрипки, уже подѣзжали на вельботѣ къ пристани, гдѣ вѣстовой командира держалъ подъ уздцы низкорослую лошадку, купленную у доктора и временно водворенную у мистрисъ Стоу. Сѣвъ верхомъ, Герасъ должно быть произвелъ что-либо нарушавшее кавалерійскую дрессировку, такъ какъ лошаденка поддала задомъ и чуть было не выбила Гераса изъ сѣдла. „Э, докторъ! да вы мнѣ продали какую-то бѣшеную лошадь. Если она будетъ продолжать себя вести такъ же, то прошу принять ее обратно.“

— Какая же она бѣшенная? Я отъ дачи сумрая благополучно доѣхалъ до Шошиныхъ—шла все время превосходно, а просто вы ѣздить не умѣете.

— Вотъ что, господа!—сказалъ Герасъ. Вы, Бирюлькинъ, держите ее подъ лѣвую удила, а вы, Бумбергъ, за правую, и мы поѣдемъ. Дорога-то въ гору. Вы напирайте, она насъ всѣхъ троихъ и при-

везетъ благополучно, а ты, Извольскій, обратился онъ къ вѣстовому человѣку, какъ прїѣдемъ, то держи ее на дворѣ у господина консула. Понялъ?

— Такъ точно, понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ вѣстовой вытягиваясь и дѣлая честь.

Компанія тронулась, и дѣйствительно какъ доктору, такъ и Бирюлькину было легко взбираться на гору, по которой шла дорога къ консульскому дому; Герасъ, мужчина высокаго роста, держась за холку обѣими руками, длинными своими ногами чуть не касался кремней, которыми была вымощена эта гора, а вѣстовой Извольскій дипломатически воспользовался размахивающимся хвостомъ лошаденки, и когда уставалъ идти въ гору, то схватывался за конецъ хвоста и облегчалъ себѣ путь. Такимъ образомъ вся компанія благополучно прибыла къ подъѣзду консульскаго дома, но лошаденка тяжело дышала и была вся въ поту.

— Ты, однако, ее выводи да не давай ни ѣсть, ни пить часа два, — сказалъ Герасъ съ авторитетомъ кавалерійскаго наѣзника, съ трудомъ слѣзая съ лошади, при чемъ одна штрипка у него оторвалась вмѣстѣ съ сукномъ брюкъ, и вѣстовой, матросскимъ ножомъ, срѣзалъ какъ оборвавшуюся штрипку, такъ для симметріи и другую. Затѣмъ увелъ лошадь на дворъ и привязалъ ее къ столбу, высоко задралъ ей голову къ верху, а самъ отправился на кухню любопытствовать, какой ужинъ готовятъ для гостей.

Квартира была ярко освѣщена и обставлена европейской мебелью.

За нѣкоторыми столами уже играли, и только опоздавшій англичанинъ-мясникъ одиноко бродилъ по комнатамъ. Дамъ, кромѣ жены американскаго посланника, никого не было, и она сидѣла съ женою русскаго консула и такъ какъ не говорила ни на одномъ языкѣ кромѣ англійскаго, а жена русскаго консула только этого языка и не знала, то бесѣда между ними была весьма молчаливая. Русскій консулъ подошелъ къ Герасу и послѣ вопросовъ о здоровьи и т. п. банальныхъ фразъ предложилъ Герасу играть въ экарте съ ненашедшимъ себѣ партіи англичаниномъ.

Усѣлись за столъ, и рядомъ съ командиромъ сѣлъ Бирюлькинъ. Докторъ присосѣдился къ закусочному столу, обильно уставленному разными деликатесами. Шла игра, и Герасу не везло.

Онъ уже проигралъ около ста долларовъ, когда въ комнату вошелъ улыбающійся толстякъ, французъ Менаръ, потирая руки и ища глазами хозяина. Поздоровавшись съ нимъ, онъ что-то ему сказалъ; консулъ осмотрѣлся кругомъ и, видя незанятыхъ Бумберга и Бирюлькина, подвелъ Менара сперва къ Бумбергу. Бумбергъ всталъ и, не давъ консулу произнести фразу „представленія“, плохимъ

французскимъ языкомъ спросилъ: „Что же именно у васъ болитъ?“ Менаръ посмотрѣлъ на Бумберга въ упоръ, затѣмъ расхохотался и сказалъ, что у него ничего не болитъ, а онъ хочетъ играть въ карты.

— Съ вашей комплекціей играть въ карты весьма вредно, вамъ надо большой моціонъ.

— Моціонъ?—повторилъ Менаръ, да знаете ли, Monsieur, что я сегодня обѣгалъ нѣсколько лье, отыскивая моего мусташи, и представьте сейчасъ только его нашель. Онъ былъ дома на дворѣ въ кладовой, куда забрался утромъ съ экономкой. И натворилъ же онъ тамъ мнѣ большой убытокъ. Я и сюда-то опоздалъ изъ-за него. Такъ какъ же, не желаете ли партію?

— Я въ карты никогда не играю,—отвѣтилъ Федоръ Федоровичъ.

Тогда консуль, смотрѣвшій на всю эту сцену нѣсколько усмѣхаясь, взялъ Менара подъ руку и подвелъ его къ Бирюлькину, познакомилъ ихъ, но и Бирюлькинь отказался отъ игры подъ предлогомъ, что онъ кромѣ банка ни въ какія игры не играетъ, а на самомъ дѣлѣ потому, что захватилъ съ собою долларовъ пятнадцать, съ которыми садиться играть было нельзя.

Тогда Менаръ предложилъ Бирюлькину держать за кого-либо изъ играющихъ.

Бирюлькинь избралъ сторону своего командира. Игра продолжалась, ставки увеличивались, и Герасъ не только что возвратилъ проигрышъ, но выигралъ четыреста долларовъ, а Бирюлькинь, имѣя въ карманѣ всего четырнадцать, пятнадцать долларовъ, къ концу игры имѣлъ болѣе двухсотъ, такъ какъ Менаръ также все увеличивалъ и увеличивалъ пари.

Къ удовольствію жены американскаго консула, хозяйка стала приглашать къ ужину, и американка хотѣла было уже отказаться и ѣхать домой, но подошедшій ей мужъ, проигравшійся, какъ говорится: „въ пухъ и въ прахъ“, остановилъ взглядомъ ее снова и сказалъ хозяйкѣ по-французски: „вы навѣрное позволите намъ и послѣ ужина докончить игру?“ Хозяйка любезно улыбнулась, но въ сердцѣ ея заскребли кошки.

Во время ужина разговоръ продолжался объ игрѣ, и подпившій Бирюлькинь говорилъ, что лучше банка игры никакой другой нѣтъ, и затѣмъ французскимъ, а потомъ и англійскимъ языкомъ объявилъ обществу, что онъ проситъ послѣ ужина удѣлить ему четверть часа и на опытъ убѣдиться въ прелести этой игры, и что банкъ будетъ держать онъ.

Консуль распорядился сдвинуть въ рядъ нѣсколько столовъ, по-

ставить свѣчи и положить на мѣсто банкомета нѣсколько нераспечатанныхъ колодъ картъ. Послѣ ужина играющіе заняли свои мѣста, держа въ рукахъ игранныя карты, а Бирюлькинъ, засучивъ рукава кителя, съ трескомъ распечаталъ новую колоду картъ. „Игра сдѣлана!“ воскликнулъ онъ, когда увидѣлъ, что на всѣ карты были поставлены разноцѣнныя монеты и бумажки. Бирюлькинъ прометалъ колоду и къ выложеннымъ имъ на столъ двухстамъ слишкомъ долларамъ прибавилось еще болѣе сотни.

Четверть часа давно прошли, но публика и не думала отходить отъ стола. Бирюлькинъ каждый разъ металъ новою колодою.

Уже стало свѣтать, когда публика стала расходиться по домамъ, да только потому, что ни у кого изъ присутствующихъ, да и у хозяина наличныхъ денегъ болѣе не оказалось, а Менаръ, сначала игры попросившій кредита, т. е. играть на записъ, проигралъ болѣе пятисотъ долларовъ. Герасъ проигралъ всю наличность и японскую лошадку въ той суммѣ, въ которой онъ самъ купилъ ее у доктора, и кромѣ того задолжалъ на слово сто долларовъ. Однимъ словомъ, Бирюлькинъ выигралъ болѣе четырехъ тысячъ долларовъ. Назадъ возвращались уже въ другомъ порядкѣ. Бирюлькинъ сидѣлъ на „своей“ лошади, а подъ уздцы ее вели докторъ и Герасъ.

Поровнявшись съ гостиницей г-дъ Шопиныхъ, Бирюлькинъ приказалъ Извольскому сдать лошадь кому-нибудь изъ лакеевъ, и затѣмъ всѣ отправились на пристань, усѣлись въ нанятую шлюпку и благополучно вернулись на „Милую“.

На другой день Бирюлькинъ долженъ былъ вступить на вахту, такъ какъ его просилъ объ этомъ Николай Васильевичъ. Онъ позвалъ своего вѣстового Епифанова, смирнаго парня изъ Новгородской губерніи, и зная по рассказамъ простоватаго матроса о бѣдственномъ состояніи его семьи, подарилъ ему пятьдесятъ долларовъ для отправки въ деревню, а затѣмъ позвалъ подшкипера и спросилъ, что стоитъ, по его мнѣнію, аршинъ такой матеріи, изъ которой французскіе матросы носятъ фланелевыя голландки, а также, что стоятъ черныя шелковые галстуха съ длинными концами и серебряныя кольца къ нимъ.

Баталеръ, старый унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ, серьезно объяснилъ, что каждая голландка обойдется около четырехъ долларовъ, галстухъ въ полдоллара и кольцо серебряное около доллара.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ вѣстовымъ Извольскимъ, который, подойдя къ Бирюлькину, доложилъ, что командиръ требуетъ его къ себѣ въ каюту.

Бирюлькинъ вошелъ въ капитанскую каюту, по діогонали кото-

рой расхаживалъ Герасъ, курия трубку съ длиннымъ чубукомъ. Бирюлькинь остановился въ ожидательной позѣ. „Садитесь, Николай Николаевичъ, я позвалъ васъ для частнаго разговора... Вотъ, батюшка, получите-ка вашъ выигрышъ“, и когда Бирюлькинь спряталъ деньги, то Герасъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ: „Надо будетъ заказать новый вельботъ... Вѣдь нашъ уже девятую кампанію дѣлаетъ“. При первыхъ же словахъ Бирюлькинь вскочилъ и опять всталъ въ почтительную позу и, не дождавшись продолженія рѣчи командира, обратился къ Герасу съ просьбой позволить подарить всей командѣ по голландкѣ, сшитой хотя и по нашему образцу, но изъ матеріи, которую употребляютъ французы для такихъ же голландокъ; а также для гребцовъ купить на его же счетъ галстухи и серебряныя кольца.

— Голландки сдѣлать разрѣшаю, а галстухи и кольца не по формѣ, а потому и нельзя,—сказалъ Герасъ, подходя и садясь за письменный столъ, гдѣ сталъ разбирать бумаги.

Бирюлькинь вышелъ, позвалъ старшаго боцмана и далъ ему около двухсотъ долларовъ для раздачи командѣ по расчету занимаемыхъ должностей, т. е. матросамъ 2 статьи по одному доллару, 1 статьи—по 2 доллара, унтеръ-офицерамъ по 4 доллара, а ему и другому боцману по 5 долларовъ, также и „чиновникамъ“, т. е. фельдшеру, баталеру и подшкиперу, и при этомъ приказалъ съѣзжающимъ на берегъ прислать къ нему Саки-сана.

Черезъ два часа пріѣхалъ Саки-санъ и, униженно присѣдая и шипя, съ особеннымъ почтеніемъ ожидалъ распоряженій Бирюлькина.

— „Сейчасъ же отправляйся на берегъ и пришли съ твоей карточкой портного, который умѣетъ шить европейское платье, а затѣмъ ищи по всему Хакодаде красивую дѣвушку, которая согласилась бы быть моею женою. Если найдешь вродѣ Міокоти-санъ, то хорошо тебя поблагодарю. Если же и не найдешь такой, то все же ищи въ такомъ же родѣ, понялъ? Затѣмъ найми домъ недалеко отъ тѣхъ домовъ, гдѣ живетъ Битюговъ и Поэтовъ, и купи все необходимое хозяйство, найми прислугу, а чтобы дѣвушка не стѣснялась, купила себѣ самыя хорошія одежды, но не лучше, чѣмъ у Міокоти-санъ или Сали-санъ. Завтра я рано съѣду на берегъ и чтобы все было готово. Да! Чтобы рано, рано утромъ домъ, гдѣ живутъ Битюговъ и Поэтовъ, былъ убранъ весь живыми цвѣтами, также какъ и мой. А лошадку отвести къ русскому псаломщику и скажи, что я прислалъ ее въ подарокъ Леониду Стоу“. Отдавъ приказанія Саки-сану, присѣдавшему ниже и ниже съ каждымъ словомъ Бирюлькина, самъ Николай

Николаевичъ повернулся и хотѣлъ было уйти, но Саки-санъ попросилъ немного денегъ на цвѣты и прочее. Бирюлькинъ далъ сто долларовъ.

Вскорѣ пріѣхалъ портной съ образчиками сукна и матерій. Бирюлькинъ заказалъ себѣ полное обмундированіе, такъ какъ уже успѣлъ обноситься за 3 года послѣ выпуска изъ корпуса. Получивъ задатокъ, портной шипя и кланяясь, уѣхалъ.

Въ это время за Бумбергомъ пріѣхали съ берега, прося его къ больному. Тогда Бирюлькинъ отсчиталъ двѣ тысячи долларовъ, передалъ ихъ Бумбергу и просилъ его сдѣлать переводъ чрезъ банкъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, на имя своей матери, вдовѣ мичмана, живущей въ родовомъ маленькомъ помѣстьѣ близъ губернскаго города.

Растормошивъ такъ скоро часть своего капитала, Бирюлькинъ нѣсколько успокоился и принялся дочитывать Монте-Кристо. Конечно, онъ надѣлилъ въ тотъ же день буфетчика и всѣхъ вѣстовыхъ сообразно чину и положенію, и всѣ были довольны, одинъ только Герасъ былъ недоволенъ, такъ какъ на-дняхъ предстояла уплата псаломщику за содержаніе его сына, мальчика Стоу, да и самой мистриссъ Стоу тоже надо было дать нѣкоторую сумму, и онъ вчера и лошадку-то покупалъ для сына и въ то время, какъ Бирюлькинъ разговаривалъ съ Саки-санъ, Герасъ ходилъ по своей каютѣ, курилъ трубку за трубкой и думалъ: откуда бы достать денегъ. Занять у Бирюлькина? Конечно, онъ дастъ, но неловко—подрывается субординація, Бумбергъ откажетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Битюговъ и Поэтовъ обзавелись семьями, а Лепечевъ переведенъ къ намъ съ долгомъ...

„Изъ казенныхъ?!“—мелькнула у него мысль, но тутъ же и потухла. „Нѣтъ, нѣтъ, столько нѣтъ служилъ честно... нѣтъ, развѣ шлюпку продать!—вотъ мысль-то!“ позову Бирюлькина и предложу ему купить шлюпку и охотничьи принадлежности за двѣсти долларовъ. Вѣдь это же за полцѣны, навѣрное, ухватится. „Эй! вѣстовой!“—крикнулъ Герасъ. Но вѣстовой не являлся. „Эй! Извольскій! гдѣ же ты пропадаешь?“—обратился онъ къ прибѣжавшему вѣстовому.

— Такъ что по своей надобности отлучился, ваше бродь.

— Попроси ко мнѣ вахтеннаго.

— А они, ваше бродь, какъ я побѣгъ сюда, остановили меня да и говорятъ, доложи, молъ, господину командиру, что я прошу позволенія къ нему придти.

— Такъ слушай, проси его придти.

И все-то вралъ Извольскій. Съ утра онъ видѣлъ дурное расположеніе духа своего начальника, затѣмъ вчера ночью лошадь приказано

было оставить въ гостиницѣ и приказывалъ, какъ хозяинъ, г. Бирюлькинъ, и Извольскій хорошо зналъ, что и лошадь-то была куплена для „командирскаго сына“, зналъ онъ и отношенія къ мистриссъ Стоу, видѣлъ, какъ командиръ пересчитывалъ деньги передъ уплатой Бирюлькину, потому порѣшилъ выручить своего любимаго командира.

Съ этою цѣлю онъ отправился къ Бирюлькину. Не успѣлъ Бирюлькинъ раскрыть истрепанную книгу романа Монте-Кристо, какъ передъ нимъ явился Извольскій и сказалъ: „осмѣлюсь доложить, ваше бродь, только чтобы было все въ тайности“, и когда Бирюлькинъ утвердительно кивнулъ головой, Извольскій продолжалъ: „такъ что командиръ вчера проиграмшись, а енъ долженъ на-дняхъ платить псаломщику, да еще есть кое-какіе неотложные расходы, то не можете ли вы, ваше бродь, какъ бы значить отъ себя дать ему?“

— Да какъ же я ему дамъ? Вѣдь онъ не возьметъ?

— А вы, ваше бродь, пошлите меня къ нему сказать, что просите его повидать, а когда придетъ, то принесите пятьсотъ долларовъ, слезно и попросите его спрятать до возвращенія нашего въ Николаевскъ съ тѣмъ, молю, чтобы вамъ онъ этихъ денегъ ранѣе не выдавалъ. Вамъ-то будетъ лучше, да и его-то выручите.

При послѣднихъ словахъ послышался второй властный призывной голосъ изъ капитанской каюты. Бирюлькинъ съ смущеннымъ видомъ вошелъ въ капитанскую каюту и, обратившись къ Герасу, сказалъ: „Леонидъ Константиновичъ, я имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу. Вы знаете, что я вчера много выигралъ, но какъ выигралъ, такъ могу и проиграть. Половину я уже послалъ матери, а хотѣлось бы по прибытіи въ Николаевскъ уѣхать на свой счетъ въ Россію. Вѣдь ранѣе 5 лѣтъ пребыванія въ Сибирской флотиліи прогонныхъ не выдаютъ, такъ вотъ я и надумалъ просить васъ взять у меня на сохраненіе пятьсотъ долларовъ, но съ тѣмъ, чтобы ранѣе прихода въ Николаевскъ вы этихъ денегъ мнѣ ни подъ какимъ бы видомъ и несмотря ни на какія мои просьбы не отдавали. Будьте добры, возьмите на сохраненіе. Я вѣдь живо растрянжирю, ну, тогда опять тyani лямку еще два года, а въ два-то года у Кунста наберешь товару въ долгъ на всѣ прогонныя, и опять тyani лямку пять лѣтъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе“.

Герасъ вполне созналъ справедливость доводовъ молодого мичмана, тѣмъ болѣе, что и самъ застрялъ въ Сибирской флотиліи по тѣмъ же причинамъ на третье пятилѣтіе и много потерялъ по службѣ, да кромѣ того, еще имѣя въ виду, что эти пятьсотъ долларовъ онъ въ теченіе года можетъ незамѣтно скопить изъ жалованья, рѣшительно сказалъ: „хорошо—давайте“.

Бирюлькинь вынулъ приготовленную пачку денегъ и, отдавъ ее, вышелъ изъ каюты чтобъ опять приняться за Монте-Кристо, а Герась тотчасъ же приказалъ готовить вельботъ для поѣздки на берегъ. Веселый вышелъ Леонидъ Константиновичъ изъ каюты и, подойдя къ Бирюлькину, тихо сказалъ: „И я имѣю къ вамъ просьбу: будьте любезны, уступите мнѣ назадъ лошадку, что вы вчера отъ меня выиграли“...

— Никакъ не могу... я уже успѣлъ подарить ее маленькому Стоу, который живетъ у псаломщика.

Леонидъ Константиновичъ пожалъ руку Бирюлькину и уѣхалъ на берегъ, а Бирюлькинь въ третій разъ отыскивалъ то мѣсто въ романѣ, гдѣ онъ остановился читать, но тутъ опять пришлось оставить книгу въ одиночествѣ, такъ какъ явился Саки-санъ и заявилъ, что все готово, и что завтра къ 5 ч. утра дома будутъ убраны цвѣтами.

— А какую я вамъ „мусьме“ нашель. Только пятнадцатый годъ, а выглядить, какъ Міокоти-санъ, и дома нанимать не пришлось—отець у нея лодочникъ, день и ночь на шампункѣ, она и живетъ одна съ матерью, какъ разъ рядомъ съ домомъ, гдѣ живетъ Битюговъ-санъ и Поэтовъ-санъ. Я какъ сталъ говорить, что вотъ русскій офицеръ хочетъ жениться, а Мая-санъ и говоритъ: „я была на-дняхъ въ чайномъ домѣ у гейши у господъ Шопиныхъ, я вѣдь тоже вмѣстѣ съ Сали-санъ хотѣла поступить въ гейши; какъ вызвали гейшъ, я увидѣла русскаго офицера, а къ нему подошла Міокоти-санъ и что-то съ нимъ говорила, а затѣмъ онъ женился на ней, а на другой мы съ мамой и удивляемся, что это съ Міокотой-санъ,—выходить изъ дома не тотъ офицеръ, который женился вчера, а другой, который жилъ съ нею раньше. Такъ, говоритъ, если это тотъ, который въ гостиницѣ разговаривалъ съ Міокотой-санъ, то я согласна за него выйти замужъ—онъ такой хорошенькій“. Ну, а лошадку отвели?—спросилъ Бирюлькинь.

— Отвели, да мальчикъ успѣлъ уже и покататься на ней, говорить—поѣду командира встрѣчать.—Ну, спасибо, Саки-санъ, завтра рассчитаемся.

Въ четыре часа утра, предупредивъ Лепечева, что онъ уѣзжаетъ на берегъ за покупкой провизіи и временно, до приѣзда Василя Васильевича, оставляетъ вмѣсто себя подвахтеннымъ старшаго боцмана Романыча, отдавши приказаніе буфетчику и захвативши ручной чемоданчикъ, Бирюлькинь на четверкъ быстро добрался до пристани, гдѣ его уже ждалъ аккуратный Саки-санъ.

Пришли къ домику, который занималъ Битюговъ и Поэтовъ, и

Николай Николаевичъ увидѣлъ, что домъ оканчиваютъ убирать цвѣтами, а сосѣдній домъ уже убранъ, и около него ходятъ какія-то двѣ женщины и съ восхищеніемъ ударяютъ себя руками по бедрамъ, часто стрекоча по-японски.

Саки-санъ обратился къ Бирюлькину и сказалъ: „я пойду къ мусьмѣ и скажу, что русски офицеръ проситъ позволенія пить чай—ну, а тамъ и отецъ лодочникъ—онъ понимай немного по-русски... дѣло наше и пойдетъ“... и съ этими словами Саки-санъ ушелъ.

Вскорѣ изъ домика вышелъ пожилой японецъ и, обратившись къ Бирюлькину, ломанымъ русскимъ языкомъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ напиться чая.

Бирюлькину вся эта дипломатія весьма понравилась.

Усѣвшись вокругъ очага, жена лодочника стала разливать чай, а молодая Мая-санъ куда-то скрылась. Разговоръ началъ Саки-санъ и объявилъ, что лодочнику, конечно, уже извѣстно, что на рейдъ пришелъ новый русскій станціонеръ, и что вотъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ, тутъ сидящій, желалъ бы жениться на цѣлый годъ, и что такъ какъ у уважаемаго хозяина есть дочь, красивая, какъ луна, то уважаемый хозяинъ можетъ быть и согласится выдать замужъ свою дочь за этого офицера.

Лодочникъ приказалъ женѣ отыскать Маю-санъ и привести ее въ комнату. Вскорѣ вернулась мать, держа за руку Маю-санъ, которая тихо шла, опустивъ глаза.

Дѣвушка дѣйствительно была очень красива, и скромная ея поза нисколько не гармонировала съ тѣмъ плутовскимъ огонькомъ, который сверкалъ у нея въ прелестныхъ глазкахъ, когда она ихъ скидывала на Бирюлькина, во время длинной рѣчи, которую говорилъ ей отецъ. По окончаніи рѣчи отецъ обратился къ Бирюлькину и спросилъ: Коче братъ Маю-санъ жена?

Бирюлькинъ сказалъ, что очень хочетъ. Тогда отецъ и мать подвели Маю-санъ къ Николаю Николаевичу и посадили ихъ рядомъ.

Въ это время Сали-санъ вмѣстѣ съ Василюмъ Васильевичемъ выходили изъ своего дома, чтобы идти на пристань, и удивились, что онъ весь кѣмъ-то покрытъ живыми цвѣтами. Замѣтили, что и сосѣдній домъ тоже весь утопаетъ въ цвѣтахъ, они вернулись въ домъ и сообщили чрезъ перегородку Битюговымъ, тѣ—тоже вышли на улицу и были встрѣчены Саки-санъ, который, низко кланяясь, сказалъ имъ, что хозяинъ дома Кихе-санъ и зять его, господинъ Бирюлькинъ, проситъ всѣхъ ихъ пожаловать на брачный чай по случаю бракосочетанія Маю-санъ съ господиномъ Бирюлькинымъ.

Міокоти и Сали быстро вернулись, одѣтыя въ парадные киро-

моны, Василий Васильевичъ былъ уже готовъ ѣхать на вахту, только Битюговъ поспѣшилъ одѣтъ на себя китель, и вся компанія вошла въ домъ лодочника Кихе-сана.

Выпивъ наскоро чашку чая, Василий Васильевичъ, торопящійся на вахту, поздравилъ новобрачныхъ, а самъ въ сопровожденіи Сали-санъ пошелъ на пристань. У Кихе-сана былъ весь день пиръ. Побывали всѣ знакомые мужчины съ женами и дѣтьми, всѣ поздравляли, и Бирюлькинъ съ тактомъ не нарушилъ обычая и даже пилъ противную японскую водку, „саки“, но со второй чашки его начало мутить, и Мая-санъ увела его въ свою комнату, уложила на тюфякъ и принесла какого-то освѣжительнаго напитка, отъ котораго мужъ ея пришелъ нѣсколько въ себя. Принимая отъ Бирюлькина чашку, она его крѣпко обняла и поцѣловала.

Кутежъ шелъ до шести часовъ вечера, но Саки-санъ, видя, что и хозяинъ и гости сильно перепились, нанялъ носильщиковъ, которые и гостей и хозяина водворили по мѣстожительству. Хозяина отнесли на его шампунку, гдѣ онъ постоянно и пребывалъ. Въ этотъ день онъ пропустилъ всѣ свои перевозочныя очереди.

Вечеромъ Битюговъ съ женой и Саки-санъ и новобрачные были въ театрѣ, а затѣмъ, поужинавши въ русскомъ ресторанѣ Шопена, отправились по домамъ. Домъ Кихе-сана за время отсутствія молодыхъ былъ провѣтренъ и приведенъ внутри въ щеголеватый видъ.

И потекла однообразная жизнь нашихъ молодыхъ моряковъ съ ихъ семьями, при чемъ у нихъ поочередно бывалъ „холостякъ“ Лепечевъ, не могшій жениться за неимѣніемъ денегъ, такъ какъ большую часть жалованья, по его же просьбѣ, высчитали по счетамъ Кунста и Альбертса, фирмы, торговавшей въ Николаевскѣ на Амурѣ. Сали-санъ оказалась очень доброй и хорошей женой, но страшно ревнивой, и какъ-то разъ замѣтивъ, что Василий Васильевичъ заглядѣлся на какую-то англійскую миссъ, такъ крѣпко его ущипнула, что Поэтовъ вскрикнулъ, и представьте себѣ, что затѣмъ ему пришла въ голову разыскиваемая имъ некогда риема къ слову „звѣзда“, а именно „узда“, на которой потомъ всю жизнь водила его любящая супруга.

Такъ какъ Битюгову было 28 лѣтъ, Бирюлькину 27, а Поэтову чрезъ 2 мѣсяца наступалъ то же 28 годъ, то всѣ они подали рапорты своему командиру, прося разрѣшенія вступить въ законный бракъ. Герасъ усмѣхнулся и сказалъ, что и онъ вступаетъ, подаетъ рапортъ о вступленіи въ бракъ съ мистриссъ Стоу. Молодые жены стали посѣщать русскую церковь и слушать бесѣды священника отца Николая, и когда къ концу стоянки пришло изъ инспекторскаго департамента разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ,

то всѣ четыре пары скромно были обвинчаны, а когда лодка „Милая“ снялась съ якоря, то съ почтово-пассажирскимъ пароходомъ поѣхали и ихъ жены христіанки, съ 10 лѣтнимъ Леонидомъ и 2 годовымъ Володей—въ Николаевскъ.

На пути въ Николаевскъ имѣли легкой штормъ, при чемъ на рейдъ пришли уже не въ щеголеватомъ видѣ. Бушпритъ былъ сломанъ, нѣкоторые паруса разорваны, вельботъ смыло волною, но всѣ эти дефекты были забыты, когда „Милая“, войдя на рейдъ, увидѣла и пассажирскій пароходъ, на которомъ должны были пріѣхать четыре тоже милыя жены. Дѣйствительно, пароходъ пришелъ ранѣе „Милой“ на нѣсколько часовъ, и съ лодки были посланы двѣ помѣстительныя шлюпки, которыя и привезли ихъ благородія къ ихъ благороднымъ мужьямъ. Федоръ Федоровичъ Бумбергъ, накопивши въ теченіе года вмѣстѣ съ откладываемымъ жалованьемъ около двухъ тысячъ долларовъ и держа ихъ въ звонкой монетѣ въ несгораемомъ сундукѣ, отправился на берегъ, при чемъ два гребца съ трудомъ вынесли денежный сундученъ на шлюпку. Когда шлюпка съ докторомъ отвалила отъ борта, то Бумбергъ обратился къ двумъ гребцамъ, выносившимъ денежный сундукъ, и сказалъ: „какъ только сойдемъ на берегъ, вы берите сундучекъ и идите до моей квартиры сзади меня и въ комнаты также войдите сзади меня, и когда я скажу своей женѣ: „Амалія, вотъ“ и покажу на сундукъ, то вы поставьте этотъ сундукъ къ ногамъ моей супруги; а затѣмъ ступайте на кухню—тамъ вамъ дадутъ по доброй чаркѣ водки и форшмакъ... Ну! поняли?“

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе поняли,—отвѣтили оба гребца и, немного помолчавъ, одинъ изъ гребцовъ сказалъ:

— А осмѣлюсь спросить, ваше высокоблагородіе, что прикажете съ башмакомъ-то дѣлать?

— Не башмакъ, а форшмакъ — это такое нѣмецкое кушанье—тутъ и мясо, и селедка, и картофель, все такое вкусное—собираются остатки двухъ-трехъ дней, все это поджаривается на сковородкѣ, такъ вотъ это кушанье вамъ подадутъ на закуску.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе,—разомъ гаркнули оба гребца.

Четверка подошла къ пристани. Сундукъ вынесенъ, и докторъ, заложивъ руки въ карманы пальто, въ сопровожденіи двухъ гребцовъ, несшихъ денежный сундукъ, скоро дошелъ до своего дома. Было около 9-ти часовъ туманнаго утра. Войдя съ задняго хода въ кухню, Бумбергъ увидѣлъ армейскаго солдата, который усердно дочистивалъ сапогъ, стараясь около каблука, къ которому была прикрѣплена шпора.

— Ты кто такой?—обратился докторъ къ солдатику. Тотъ вытянулъ руки по швамъ, держа въ одной рукѣ недочищенный сапогъ, а въ другой сапожную щетку.

— Денщикъ его благородія, поручика Балалайкина, господина адъютанта, солдатъ мѣстнаго батальона, ваше высокоблагородіе.— молодцовато отвѣтилъ солдатикъ.

— Да чья же эта квартира?—продолжалъ допрашивать докторъ.

— Ея высокоблагородія госпожи докторши Бумберши. Въ это же время въ кухонныя двери изъ примыкавшаго корридора показалась пожилая опрятная женщина, держа на одной рукѣ спеленатаго ребенка, другой рукой ведя еле переступающаго мальчика. Увидѣвъ доктора, она воскликнула: „О мейнъ Готъ!“ и быстро скрылась за дверь. Федоръ Федоровичъ пошелъ за нею и сталъ говорить по-нѣмецки. Женщина эта была привезена молодыми Бумбергами два года изъ Петербурга.

Денщикъ смекнулъ, что дѣло не ладно, побѣжалъ на базаръ, куда ушла фрау Бумбергъ съ поваромъ-солдатомъ, взятымъ Балалайкинымъ изъ батальона. Только-что онъ успѣлъ убѣжать, какъ въ кухнѣ раздался электрическій звонокъ.

А Федоръ Федоровичъ продолжалъ говорить по-нѣмецки, идя къ своему кабинету. Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ широкую спину молодого человѣка въ ночной сорочкѣ, который, сидя за его, Федора Федоровича, письменнымъ столомъ, что-то усердно писалъ. Бумбергъ окаменѣлъ. Въ этотъ моментъ, молодой человѣкъ, не оборачиваясь, взялъ со стола два исписанныхъ листа бумаги и, протянувъ руку съ бумагами назадъ, все еще не оборачиваясь, сказалъ: „Отнеси сейчасъ же въ канцелярію и скажи Тераповтову, что я ему три шкуры спущу, если онъ такъ же навретъ, какъ въ прошедшій разъ“.

Но вмѣсто обычнаго: „слушаю, ваше благородіе“ онъ ничего не слышалъ. Онъ обернулся. Прислонившись къ оконному косяку, стоялъ блѣдный Бумбергъ.

Молодой человѣкъ быстро одѣлъ сюртукъ, въ корридорѣ схватилъ пальто и фуражку и, какъ былъ, въ туфляхъ выскочилъ на улицу.

Бумбергъ еле-еле доплелся до кухни, выпилъ воды и, держась за одного гребца, вышелъ съ нимъ на улицу и пошелъ обратно къ пристани. Четверка дожидалась ушедшихъ гребцовъ. Посадили доктора на корму, и денежный сундукъ поставили около его ногъ, а затѣмъ безъ его команды отвалили и стали грести по направленію къ „Милой“. Изъ шлюпки Федора Федоровича вынули фалрейные, а фельдшеръ притащилъ нашатырный спиртъ, ээирно валеріановыя капли и кали бромати. Черезъ часъ только могъ перетрусившій

фельдшеръ нѣсколько привести нервы Федора Федоровича въ спокойное состояніе.

Вскорѣ съ берега пріѣхалъ настоящій докторъ, пріѣхавшій въ Николаевскъ въ отсутствіе Бумберга на „Милой“ въ Японію. Отрекомендовавшись другъ другу, Бумбергъ спросилъ:

— А вы женаты?

— Нѣтъ, не женатъ,—отвѣтилъ молодой докторъ.

— Такъ вотъ, коллега, я пропишу рецептъ: никогда не женитесь, если предполагаете уходить въ плаваніе... А что касается моей болѣзни, то благодарю васъ за любезность, но я думаю, что нѣсколько приѣмовъ кали бромати, да, для спокойнаго сна, ложку хлораль гидрата, драхму на шесть унцій, и завтра же я буду здоровъ, какъ былъ.

Но это были только слова возбужденнаго человѣка.

На завтра онъ уже бредилъ. Его свезли въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ чрезъ мѣсяць.

Скопленные деньги положили на имя старшаго сына въ банкъ впредь до совершеннолѣтія малолѣтняго Феда.

Новожены, списанные съ „Милой“, и замѣненные офицеры съѣхали отдохнуть на берегъ и рѣшили жить коммунной. Былъ нанятъ большой деревянный домъ, и такъ какъ каждому полагалось по денщику, а Леониду Константиновичу два денщика, какъ произведенному въ штабъ-офицеры, то всегда и вездѣ было чисто.

Все устроилось превосходно. Для маленькаго Володи была привезена японская нянька, а съ Леонидомъ занимались Василій Васильевичъ и Владиміръ Николаевичъ и самъ Герасъ. Но Николай Николаевичъ Бирюлькинъ скоро уѣхалъ съ женой въ Россію, такъ какъ получилъ письмо объ опасно заболѣвшей матери.

Раздѣлились на семейныя вахты, при чемъ вахтенное семейство было обязано въ день своей вахты оставаться безвыходно дома и принимать гостей. Остальные же по желанію могли присутствовать и разговаривать съ гостями или же сидѣть въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ. Каждой семьѣ полагалось по двѣ комнаты. Затѣмъ была общая для приѣмовъ гостей и общая, лучшая комната для дѣтской, въ которой скоро уже ходили Мюкоти-санъ и Салисанъ, держа каждая по спеленутой дѣвочкѣ. Дѣвочки были одѣты и впоследствии совершенно одинаково, имѣли одинаковыя игрушки и лепетали какъ по-русски, такъ и по-японски.

Леонидъ, прекрасно подготовленный и владѣвшій свободно англійскимъ, русскимъ и японскимъ языками, 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ былъ опредѣленъ въ морское училище и окончилъ тамъ курсъ. По желанію отца, вышедшаго въ отставку и поступившаго командиромъ на одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, Леонидъ

перевелся въ сибирскую флотилію и вскорѣ также былъ зачисленъ въ Добровольный флотъ подъ команду Василя Васильевича, который также командовалъ пароходомъ Добровольнаго флота и, разсматривая иногда на небѣ млечный путь, вспоминалъ риему къ слову „звѣзда“, тогда какъ Сали-сань, плававшая съ мужемъ и многочисленнымъ семействомъ, водила своею хорошенькою ручкою за руку своего медвѣде-образнаго супруга.

Владиміръ Николаевичъ обзавелся также многочисленнымъ семействомъ, но не попалъ въ Добровольный флотъ, получивъ береговое мѣсто.

Когда молодого офицера Леонида Стоу провожали въ плаваніе, то всѣ ему близкіе отправились на пристань, и старшая дочь Битюгова, дѣвочка лѣтъ тринадцати, улучила минуту и, подойдя къ Леониду, шепнула: „будете за границей, не увлекайтесь хорошенькими“...

— Честное слово не буду,—сказалъ Леонидъ по-кадетски и пожалъ ей ручку.

Со многими лицами мы можетъ и встрѣтимся въ недалекомъ будущемъ.

Д. Перскій.

